

КТО ТАКИЕ КЕРЖАКИ

Последняя встреча

Иногда удаётся увидеть где-нибудь в общественном месте просто одетых, краснощёких, загорелых, с большими бородами мужиков, которые неуклюжестью и простотой поведения отличаются от других. Их в нашем обществе называют одним общим именем – кержаки. Встречаются бородатые мужики и одетые в длинные до самих пят платья женщины с покрытыми тёмными платками головами и в больших чёрных лодках, медленно плывущих по Енисею. Кто же они такие, эти кержаки, где, как, чем и на что живут? Об этом мало кто из нас задумывается, и тем более, мало кто интересуется.

Мы в невероятной толкучке прошли посадку в Енисейске на метеор, следующий вниз по Енисею. Прошли посадку, это слишком мягко сказано, вернее даже вообще ничего не сказано,

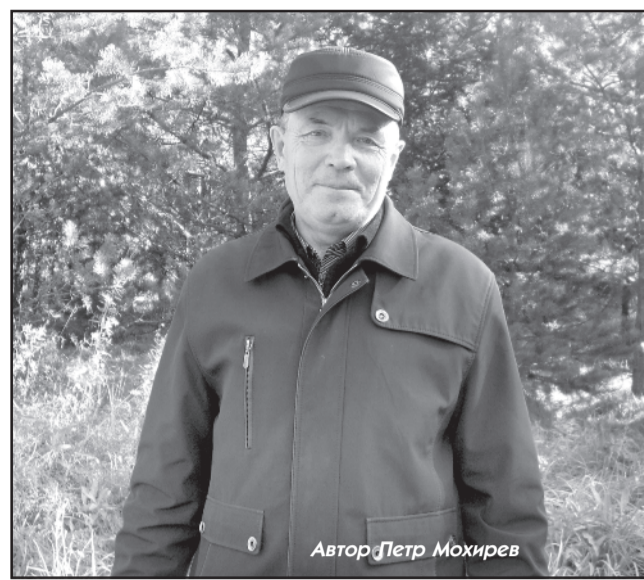
и главное, там был хороший, трёхсторонний обзор из довольно просторных окон. Во втором салоне тоже можно было ехать весьма комфортно, особенно, если занять место у окна и, не обращая никакого вни-

друг друга в гости, чтобы повидаться. Письма туда шли через маленький старовеческий посёлок Сандакчес, последний посёлок по Дубчесу, который официально значился у властей и был даже обозначен на карте. Когда

торых детей, когда они становятся взрослыми, как-то семейные связи ослабевают, они живут своей жизнью, интересами своей семьи, не очень-то вникая в проблемы своих родителей. Другие же дети стараются поддерживать с ними самые тёплые и близкие отношения до последних их дней жизни. Я, очевидно, относился ко второй категории детей, писал ей письма, помогал, чем мог, и вот решился на довольно необычное, авантюрное путешествие, чтобы повидаться с ней.

Повидаться очень хотелось, ей было уже семьдесят четыре года, в скит попасть не просто, я знал, что сёстры туда не поедут, и решился. Одному было страшно, я слабо знал мир староверов и запросто мог из-за этого попасть в сложную ситуацию, вот и обратился за помощью к Харлампичу, всё-таки там была и его сестра, моя мама. Вторая их сестра Евдокия тоже последние свои годы жизни провела в этом же ските, год назад она и умерла там от какой-то продолжительной болезни, там же была и похоронена.

Авантюрой эта поездка была потому, что туда надо было добираться на попутных лодках, которые необходимо было ждать и караулить на берегу и договариваться, чтобы они взяли попутчиков. Я всегда был привязан к определённости – когда, откуда, во сколько и чего это будет стоить, деньги, конечно с собой были, а остальное было отдано на волю случая. Было ещё одно очень сильное затруднение, нам гораздо лучше было выезжать в

Автор: Петр Мохирев

Дубчеса появлялись на берегу посёлка сразу же после того, как по реке проплывали последние льдинки, это в самом конце мая. Лодки активно плыли по Дубчесу в обоих направлениях числа до двадцатого июня, пока вода в реках была ещё большая, и были затоплены все речные перекаты. В это время на больших грузовых лодках завозились вверх по Дубчесу продукты – соль, сахар, мука, крупы, также в больших количествах бензин. Оттуда люди вывозили то, что не успели продать осенью и зимой – кедровые орехи, ягоду, пушнину. Если кому-то необходимо было выехать по своим делам с верховья лесной реки, люди обязательно выезжали в июне, в это время много было попутных лодок и легче всего было уехать. Со снижением уровня воды в реке проехать по Дубчесу становилось всё труднее и труднее, количество проходивших по нему лодок резко сокращалось, выезжали только лишь в крайних случаях.

мая, как я планировал, не отпустили в отпуск. В это время работал я уже в Мотыгино, почему-то всю свою жизнь работал там, куда меня направляли и никогда этому не противился – раз надо, значит надо, как говорится, начальству виднее. Весной, с приходом распутицы вся производственная деятельность на предприятии замирала, рабочих отпускали в отпуск, самое время было отпускать и руководителей. Но меня по каким-то причинам сразу не отпустили, хотя и доверяли полностью во всём, заявление же, подписали лишь с третьего раза, когда самое благоприятное время для поездки было упущено. С Харлампичем связался по телефону, он меня поджидал уже целый месяц, мы встретились в Лесосибирске и сразу же, в ближайший рейсовый день сели на метеор.

Мне удалось всё-таки занять место у самого окна, и я смотрел на мелькающие бакена и речные, такие приятные глазу и знакомые пейзажи, ведь все мои детские годы прошли на берегах этой огромной сибирской реки. Мы каждый день, практически в любую погоду, пока река не замерзала, плавали по ней в лодке, рыбачили, перевозили груза, играли на берегу и купались. Я всегда мечтал, чтобы из окон моего дома было видно эту, так полюбившуюся мне реку. Метеор заходил в Подтёсово, а я сам про себя возмущался этим поступком капитана теплохода, ну зачем он туда заходит, сколько времени лишнего тратит, ведь он же останавливается в Подтёсово на ночь и всего лишь час назад отошёл отсюда. Но, в конце концов, есть расписание и, если положено нашему теплоходу в Ворогово в семнадцать тридцать, мы туда в это время и прибудем, куда бы теплоход дорогой не заходил.

Продолжение следует
Петр МОХИРЕВ,
г. Лесосибирск

пассажиров было много, полный дебаркадер, но мы знали уже все особенности посадки и держались в середине толпы пассажиров, никуда не отлучаясь. Вокруг был слышен невероятный шум, крики, ругань, плач детей, работник метеора в ярком спасательном жилете пытался что-то предпринять, чтобы женщин с ребятишками пропустить вперёд, но когда толпа пассажиров неуправляемым потоком хлынула на теплоход, этот работник едва успел отскочить в сторону и уже оттуда равнодушно наблюдал за хаотично двигающейся толпой. Наконец посадка закончилась, все зашли, всем хватило мест, пассажиры успокоились, и через некоторое время со всех сторон стал доноситься спокойный говор и детский смех. Мы устроились во втором салоне, конечно, было бы гораздо лучше попасть в первый, находившейся в самом носу теплохода, но он почему-то всегда оказывался занят ещё до начала посадки какими-то служебными сотрудниками, или знакомыми капитана. Первый салон был не большой, очень уютный

и главная, там был хороший, трёхсторонний обзор из довольно просторных окон. Во втором салоне тоже можно было ехать весьма комфортно, особенно, если занять место у окна и, не обращая никакого вни-

мания на привычную суету мужиков у буфета и бегающих между сиденьями детей, спокойно любоваться красотами сибирской реки. Ехали мы вдвоём с моим родственником, Александром Харлампиичем, он приходился мне дядей по материнской линии и был меня старше на девять лет. В своём обращении к нему я его часто называл просто Харлампиичем, это был довольно живой и подвижный человек среднего роста с короткими, наполовину поседевшими волосами, высоким открытым лбом, живыми глазами и длинной русой клиновидной бородой. Он был из верующей семьи, с детства приучен к постам и молениям, знал нехитрый, но скрытый для простых смертных образ жизни староверов. Харлампиич жил со своей семьёй в Назарово, был на пенсии и, не долго раздумывая, с удовольствием согласился на моё предложение съездить в Дубчесский скит на несколько дней. Дело в том, что там вот уже три года безвыездно проживала моя мама, мы регулярно переписывались письмами и звали

да она жила в Ворогово, я к ней приезжал ежегодно, иногда и два раза в год, у нас с ней всегда оставались очень тёплые отношения. Мама постоянно писала мне в письмах, что стала слаба здо-

ровьем и однозначно заявляла, что теперь уже из скита никуда выезжать не будет, там и будет доживать Богом определённый ей век. Она писала мне часто, скучала, сильно хотела встретиться и всё звала и звала приехать к себе. У неко-

самом начале июня, я знал об этом, и мама в своих письмах неоднократно предупреждала, чтобы не забыл. Забыть я не мог, ведь я же вырос в Ворогово и постоянно видел, что кержацкие большие самодельные деревянные лодки из

Мы поехали в самом конце июня, я пообещал маме, что обязательно приеду, была договорённость с Харлампиичем, мама сильно болела, и другого случая для долгожданной встречи могло уже и не быть. Дело в том, что меня в конце